

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

1

ANNO XVIII 2010

L'ANALISI
LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE
E LETTERATURE STRANIERE

UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

1

ANNO XVIII 2010

NUMERO SPECIALE

CATEGORIE VERBALI E PROBLEMI DELL'ORGANIZZAZIONE TESTUALE
STUDI CONTRASTIVI SLAVO-ROMANZI

Глагольные категории и проблемы организации текста со-
поставительное описание славянских и романских языков

Atti del I seminario internazionale GeLiTeC (Gruppo di studio di linguistica
testuale contrastiva)

I Международный семинар Проблемной группы по сопоставительной
лингвистике текста СоЛиТекст

Milano, 4-5 febbraio 2010 – Милан 4-5 февраля 2010

A cura di Anna Bonola e Olga Inkova

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA
Facoltà di Scienze linguistiche e Letterature straniere
Università Cattolica del Sacro Cuore
Anno XVIII - 1/2010
ISSN 1122-1917

Direzione

GIUSEPPE BERNARDELLI
LUISA CAMAIORA
GIOVANNI GOBBER

Comitato scientifico

GIUSEPPE BERNARDELLI – LUISA CAMAIORA – BONA CAMBIAGHI
ARTURO CATTANEO – MARIA FRANCA FROLA – ENRICA GALAZZI
GIOVANNI GOBBER – DANTE LIANO – MARGHERITA ULRYCH
MARISA VERNA – SERENA VITALE – MARIA TERESA ZANOLA

Segreteria di redazione

LAURA BALBIANI – SARAH BIGI – MARIACRISTINA PEDRAZZINI
VITTORIA PRENCIPE – MARISA VERNA

© 2011 EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio Universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano - tel. 02.72342235 - fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (*produzione*); librario.dsu@educatt.it (*distribuzione*);
web: www.educatt.it/librario

Redazione della Rivista: redazione.all@unicatt.it - *web:* www.educatt.it/librario/all

Questo volume è stato stampato nel mese di gennaio 2011
presso la Litografia Solari - Peschiera Borromeo (Milano)

ELEMENTI CONNETTIVI NEL DISCORSO ARGOMENTATIVO E MARCHE DELL' ARGOMENTATIVITÀ NELLA LINGUA RUSSA

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И ПОКАЗАТЕЛИ АРГУМЕНТАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

MARIA CRISTINA GATTI

Описание логико-инференциальных отношений между высказываниями и средств для их лингвистического проявления является одним из основных и в то же время наиболее сложных вопросов лингвистического исследования организации текста как такового, а не только аргументативного.

В случае аргументативного дискурса, этот вопрос становится ещё сложнее, потому что на данный момент мы не располагаем особыми методическими средствами для его анализа, несмотря на значительное развитие теории аргументации, с одной стороны, и анализа дискурса, с другой.

В настоящей работе мы хотим показать, как некоторые понятия, развитые в рамках семантико-прагматического подхода к связности текста, названного Теорией Конгруэнтности¹, позволяют выявить внутреннее строение речевых актов аргументативного рода.

После краткого изложения – в первом параграфе – Теории Конгруэнтности в ее основных чертах, мы рассмотрим во втором параграфе, в чём состоит аргументативность в дискурсе и аргументативная инференциальность, которая является абдуктивной, показывая в то же время, как понятие коннектива, предложенное в рамках Теории Конгруэнтности, позволяет выявить характерную внутреннюю структуру речевых аргументативных актов. Обратим особое внимание на анализ аргументативного коннектива заключения в русском языке, выделяя в то же время релевантную роль лингвистических показателей аргументативности² в процессе

¹ См. E. Rigotti, *La sequenza testuale*, "L'Analisi Linguistica e Letteraria", II, 1993, 1, cc. 43-148; E. Rigotti, *Congruity Theory and Argumentation*, "Studies in Communication Sciences. Argumentation in Dialogic Interaction. Special Issue", 2005, cc. 75-96; E. Rigotti – A. Rocci, *Tema, rema e connettivo: la congruità semantico-pragmatica del testo*, in *Syndesmoi*, G. Gobber – M. C. Gatti – S. Cigada ed., Vita e Pensiero, Milano 2006, cc. 3-44; A. Rocci, *Connective Predicates in Monologic and Dialogic Argumentation*, "Studies in Communication Sciences. Argumentation in Dialogic Interaction". Special Issue, cc. 97-118.

² О показателях аргументативности и их роли в реконструкции аргументации см. F. H. van Eemeren – P. Houtlosser – A. F. Snoeck Henkemans, *Argumentative Indicators in Discourse. A Pragma-dialectical Study*, Springer, Dordrecht 2007; P. Houtlosser, *Indicators of a Point of View*, in *Advances in Pragma-dialectics*, F. van Eemeren ed., Sic/Sat/New Port (Virginia), 2002, cc. 169-184.

реконструкции аргументативных связей между высказываниями. В заключение мы рассмотрим некоторые перспективы, которые открываются русистике из выделения особенностей аргументативного дискурса, особенно в области семасиологического анализа дискурсивных частиц русского языка.

1. Коннектив высказывания и Теория Конгруэнтности

Теория Конгруэнтности – это семантико-прагматически ориентированный подход к тексту, созданный в результате многолетнего сотрудничества некоторых учёных, работающих в Швейцарском Университете Лугано и в Католическом Университете Милана. В течение работ, начавшихся в первой половине девяностых годов, теоретическая перспектива, развитая в наших исследованиях, постепенно приняла название Теории Конгруэнтности³, так как связность текста представлена в терминах конгруэнтных предикативно-аргументальных структур, присутствующих на разных уровнях текстовой организации.

Описание текста, предложенное в рамках Теории конгруэнтности, является прагматическим, потому что, во-первых, признаётся важная роль, которую играют контекстуальные факторы в процессах дополнения смысла текста, и, во-вторых, потому что при определении текста оно отталкивается от понимания речевого общения как действия⁴.

Авторы Теории Конгруэнтности описывают текст именно как сложное действие, которое производит прагматические эффекты, идентифицированные с изменением отношения к действию, порождённым в участниках коммуникативной интеракции⁵.

Каждое высказывание, из которого состоит текст, участвует в осуществлении этой глобальной цели текста посредством своего особого вклада, тесно связанного с функцией, которую высказывание получает от коннектива высказывания⁶.

Устанавливая коммуникативную функцию высказывания, коннектив ставит его в связь с собеседниками, с высказываниями, которые могут присутствовать в

³ Серия статей, в которых она была изложена – см. сноску 1 – позволяет отследить основные этапы её развития.

⁴ См. E. Rigotti, *Congruity Theory and Argumentation*, с. 77.

⁵ Чарлс Пирс идентифицирует эффекты коммуникативного события с так называемым *habit change*, то есть с изменением отношения к действию в участниках коммуникативной интеракции; см. Ch. S. Peirce, *The Collected Papers*, Voll. 5 and 6, C. Hartshorne – P. Weiss ed., Belnap Press, Cambridge Mass. 1969, с. 476. При определении эффектов сообщения Сэрл подчёркивает скорее их социальный аспект и говорит о конвенциональных эффектах, имея в виду особенно взаимные обязательства (*commitments*), которыми собеседники обмениваются в коммуникативной интеракции. Мы имеем здесь дело очевидно с двумя разными, но в то же время дополнительными взглядами на одно и то же явление. Как отмечается в Rigotti, *Congruity Theory and Argumentation*, сс. 77-78, принятие некоторого обязательства (*commitment*) всегда предполагает изменение отношения к действию.

⁶ Термин коннектив был введён авторами Теории Конгруэнтности для того, чтобы различить отношения между высказываниями на логико-семантическом уровне от их лингвистических показателей, то есть от коннекторов.

котексте, и с возможными имплицитными высказываниями в контексте.

С логико-семантической точки зрения коннектив – это связующий предикат, предикативно-аргументальная структура которого может быть представлена следующим образом⁷:

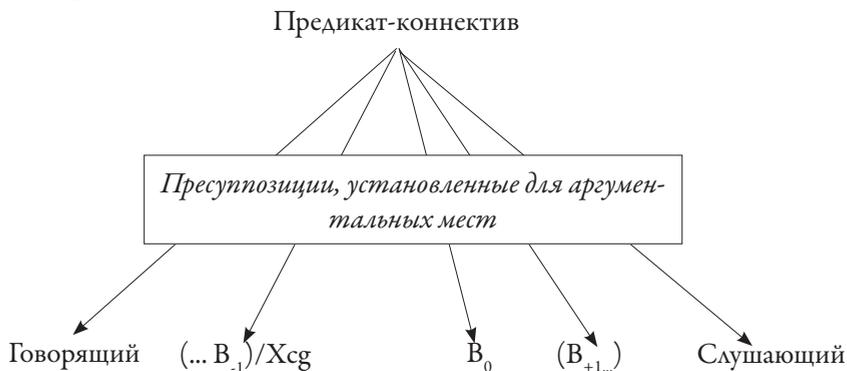

Схема 1 – Общая структура коннектива высказывания

Как изображено на схеме 1, коннектив высказывания имеет структуру многоаргументального предиката, у которого выступают в роли аргументов: говорящий, слушающий, высказывание B_0 , высказывания, которые могут предшествовать или следовать в котексте (B_{-1}) (B_{+1}) , и имплицитные высказывания в контексте (Xcg) .

Важно подчеркнуть прежде всего, что коннектив отбирает как аргументы не только высказывание B_0 и высказывания (B_{-1}) (B_{+1}) , которые могли бы быть анафорически или катафорически связанными в котексте. Среди аргументов должны появиться также говорящий и слушающий, потому что предикат-коннектив, устанавливая функцию высказывания, определяет то, что говорящий “делает” слушающему посредством своего высказывания. Будучи связанным с динамикой коммуникативной интеракции между собеседниками, коннектив представляет собой прагматический предикат действия; он идентифицирует именно то действие, которое говорящий осуществляет, произнося данное высказывание⁸.

Всегда в аргументальном фрейме коннектива предметная переменная (Xcg) на втором аргументальном месте, около котекстуального высказывания $(... B_{-1})$, показывает, что в роли аргумента могут выступать также имплицитная информация контекстуального рода, принадлежащая к так называемому *common ground*, то есть к тому набору имплицитных элементов (знаний, принципов, ценностей и так далее), разделяемых участниками коммуникативного взаимодействия⁹.

⁷ См. E. Rigotti, *Congruity Theory*, с. 83; E. Rigotti – A. Rocci, *Tema, rema e connettivo*, с. 24.

⁸ В Теории Конгруэнтности высказывания, составляющие текст, описываются на уровне коммуникативных актов, то есть на уровне, подобном иллокутивным актам в теории речевых актов.

⁹ Термин употреблён американскими учёными Кларком и Сталнакером; см. об этом R. C. Stalnaker, *Presuppositions*, “Journal of Philosophical Logic”, II, 1973, сс. 447-457; R. C. Stalnaker, *Pragmatic Presuppositions*, in R. C. Stalnaker ed., *Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought*,

В выше изображенной общей структуре коннектива важную роль играет прямоугольник на стрелках, ориентированных из предиката к аргументам; он содержит условия пресуппозиционального рода, установленные предикатом-коннективом для каждого аргументального места и с которыми конкретные аргументы, поставленные на эти аргументальные места, должны быть конгруэнтны¹⁰.

Рассмотрим в качестве примера высказывания Б (1) и Б (2), которые могли бы служить ответом говорящего Б на вопрос собеседника А¹¹:

(1) А: Почему ты не заставил сына вести машину, если ты устал?

Б (1): (B₋₁) Мой сын не водит машину. (B₀) Ему десять лет.

Б (2): (B₋₁) Мой сын не водит машину. (B₀) Он женат.

В отличие от первого примера, второй без включения в контекст особых ассумпций оказывается бессмысленным. В самом деле, высказывание (B₀) *Он женат* не является конгруэнтным, так как не отвечает на задание, порученное ему коннективом: дать каузальное объяснение факта или состояния вещей, изложенных высказыванием (B₋₁) *Мой сын не водит машину*, которое предшествует в контексте.

Интересно заметить, что коннектив поручает высказыванию (B₀) не только текстовую задачу дать каузальное объяснение прежде выраженному факту, но и задачу удовлетворить прагматические условия, предусмотренные для реализации речевого акта утверждения. Поэтому в теории конгруэнтности иллокуция рассматривается как один из аспектов, включенных в обширное понятие коннектива.

Коннектив каузального объяснения между первым и вторым высказываниями не имеет семиотического проявления¹² и реконструируется посредством процессов инференциального рода. Но даже, когда коннектив выражается лингвистическими

Oxford University Press, Oxford 1999, сс. 47- 62 и Н. Clark, *Using Language*, Cambridge University Press, Cambridge 1996, сс. 92-121. О роли *common ground* в сообщении и о его возможной эксплуатации в процессах манипуляции см. S. Greco, *When Presupposing Becomes Dangerous*, "Studies in Communication Sciences", III, 2003, 2, сс. 217-234.

¹⁰ Условия пресуппозиционального рода, которые предикат-коннектив устанавливает для аргументов, являются близкими к условиям успешности (*felicity conditions*) иллокуций Сэрла, которые должны быть удовлетворены адресантом и адресатом для успеха речевого акта. Охарактеризование отношений между высказываниями в Теории Конгруэнтности имеет интересные сходства с подходом к связности текста, предложенном в *Rhetorical Structure Theory* Манна и Томпсона (см. W. C. Mann – S. A. Thompson, *Rhetorical Structure Theory: Towards a Functional Theory of Text Organization*, "Text", VIII, 1988, 3, сс. 243-281; W. C. Mann – C.M.I.M. Matthiessen – S. A. Thompson, *Rhetorical Structure Theory and Text Analysis*, in *Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-raising Text*, W. C. Mann – S. A. Thompson ed., Benjamins, Amsterdam/Philadelphia 1992, сс. 39-78). Здесь также "риторические" отношения между высказываниями определяются в терминах ограничений, установленных для высказываний, и эффектов, которые говорящий намеревается произвести на слушающего, прибегая к определённом "риторическому" отношению. См. об этом E. Rigotti, *Congruity Theory*, с. 82.

¹¹ Пример предлагается в E. Rigotti, *Congruity Theory*, с. 81.

¹² В устной речи этот коннектив может быть выявлен с помощью интонации, которая может служить показателем коннектива. См. E. Rigotti – A. Rocci, *Tema, rema e connettivo*, с. 21.

единицами, например, коннекторами и частицами¹³, его проявление является неполным и сохраняет некоторую степень неопределённости, как будет показано ниже, в третьем параграфе, при анализе показателей аргументативных речевых актов.

В отличие от теории речевых актов¹⁴, которая сосредоточилась на таких актах, как, например, обещать, отвечать и так далее, реализованных отдельно взятыми высказываниями, теория конгруэнтности может объяснить внутреннюю структуру сложных речевых макроактов, как в нашем примере – макроакта объяснения, выделяя семантико-прагматическую связь между элементарными речевыми актами, из которых макроакт состоит¹⁵.

Один из поставленных в русистике вопросов, о том, существуют ли объективные критерии для того, чтобы определить прагматическую сложность или элементарность сложных предложений в русском языке¹⁶, по нашему мнению, может найти интересную гипотезу для его решения именно в теории конгруэнтности.

Теория конгруэнтности пока представлена в её основных чертах¹⁷. В следующем параграфе мы хотим показать каким образом выше изложенное понятие коннектива может помочь при описании внутренней организации речевых актов аргументативного рода. Мы уделим особенное внимание, среди аргументативных коннективов, коннективу заключения и его показателям в русском языке, которые играют важную роль при реконструкции аргументативного дискурса.

¹³ Невозможно кратко изложить огромную исследовательскую работу о частицах, проделанную в русистике; как несравнимый ориентир для критической оценки разных направлений см. И. М. Кобозева, *Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов*, в *Прагматика и семантика*, ИНИОН СССР, Москва 1991, сс. 147-176.

¹⁴ См. Дж. Р. Серл, *Классификация иллокутивных актов*, в *Новое в зарубежной лингвистике*, Выпуск 17, Москва, сс. 170-194.

¹⁵ Коннектив оказывается полезным средством анализа также в тех случаях, в которых текст оформляется отдельным речевым актом. Связывая высказывание, состоящее из элементарного речевого акта, с участниками коммуникативной ситуации, он выделяет то, что говорящий “делает” слушающему посредством данного высказывания, в чём именно состоят прагматические эффекты речевого акта. См. Е. Rigotti – А. Rocci, *Tema, rema e connettivo*.

¹⁶ См. И. М. Кобозева – К. Гон Сук, *Сложное предложение как форма сложного речевого акта*, в *Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Материалы научной конференции*, А. Н. Латышева – Т. М. Цветкова ред., Выпуск 1, Русский учебный центр, Москва 2000, с. 95.

¹⁷ Не принимается в расчёт в данной работе подход, развитый в рамках теории конгруэнтности, к проблеме так называемой коммуникативной организации текста, то есть его членения на тему и ремю. Мы отмечаем только, что в теории конгруэнтности определение ремы является тесно связанным с определением коннектива, так как рема идентифицируется с предикатами, посредством которых высказывание может реализовать функцию, установленную коннективом. О связи коннектива с ремой см. Е. Rigotti – А. Rocci, *Tema, rema e connettivo*, сс. 25-42. В отличие от различных подходов к классификации и описанию сложного предложения в русском языке, которые основываются на отдельно взятых аспектах то пресуппозиционального рода, то прагматического, то относящихся к членению на тему и ремю (см. А. Н. Латышева, *К вопросу классификации сложноподчинённых предложений: три стратегии оформления подчинения*, в *Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Материалы научной конференции*, А. Н. Латышева – Т. М. Цветкова ред., Выпуск 1, Русский учебный центр, Москва 2000, сс. 86-94), теория конгруэнтности предлагает цельный взгляд на все эти аспекты высказывания.

2. Аргументативные речевые акты и показатели аргументативности: коннектив заключения

Для описания особенности аргументативного дискурса может быть полезным начать с изначального вопроса: что такое аргументация и в чём состоит аргументативность в дискурсе?

Для обнаружения сущности аргументации отправимся прежде всего на поиск смысла, скрытого¹⁸ в слове *аргумент*¹⁹. Это слово, как и соответствующие термины во многих современных языках (анг. *argument*, фр. *argument*, нем. *Argument*), отсылает к латинскому *argumentum*, производному от латинского глагола *arguere*, который означает преимущественно 'показать, заставить признать очевидность чего-то'. С помощью суффикса *-mentum* латинский язык называет средство для осуществления действия, обозначаемого глаголом²⁰. Именно с этим значением – средство, употребляемое для того, чтобы заставить признать очевидность чего-то, – *аргумент* употребляется в традиции античной риторики, где обозначает речевое средство, которое показывает разумную основу (*ratio*) чего-то небесспорного (*rei dubiae*) и делает его таким образом достойным доверия²¹.

Близкими к значению, в котором термин употреблён в классической традиции риторики, являются современные определения аргументации: "Аргументация – пишет, например, Ван Еемерен, один из авторов Прагма-диалектической Теории, то есть подхода к аргументативной практике, развитого в рамках Амстердамской Школы по аргументации, – это языковая, социальная, разумная деятельность, направленная на убеждение одного разумного, критически слушающего в приемлемости некоторой точки зрения или *standpoint*"²².

Возвращаясь к выше поставленному вопросу, в чём состоит аргументативность в дискурсе, мы можем предварительно заключить, что аргументативным является тот дискурс, который, выдвигая что-то ещё не принятое – в тезисе – показывает в то же время, почему разумно принять его. Приглашая слушающего к инференциальному процессу, тот, кто аргументирует, показывает ему ходы рассуждения, нужные для того, чтобы признать разумность²³ того, что предлагается в тезисе и изначально

¹⁸ Мы следуем здесь подсказке, сделанной в E. Rigotti – S. Greco, *Introducing Argumentation*, Argumentum eLearning Module, 2008; www.argumentum.ch.

¹⁹ Слово *аргумент* является многозначным. Оно может быть употреблено в смысле пропозициональной логики, как было приведено ранее в описании структуры предиката-коннектива, или, как в данном случае, в смысле довода, приведённого в поддержку тезиса.

²⁰ См. E. Rigotti – S. Greco, *Introducing Argumentation*.

²¹ В *Топике* Цицерона, одного из наиболее значительных авторов классической традиции, под *argumentum* понимается *ratio, quae rei dubiae facit fidem* (Marcus Tullius Cicero, *Topica*, T. Reinhardt ed., Oxford University Press, Oxford 2003, 2, 7). См. E. Rigotti – S. Greco, *Introducing Argumentation*.

²² Ф. Х. ван Еемерен, *Современное состояние теории аргументации*, в *Важнейшие концепции теории аргументации*, Ф. ван Еемерен – П. Хоутлоссер ed., СПбГУ, Санкт-Петербург, 2006, с. 14. Вводя это название (*standpoint*) для тезиса, авторы Прагма-диалектической Теории хотят подчеркнуть противопоставление слушающего, который исполняет роль антагониста.

²³ Разумность – это ключевое слово аргументации. Оно подробно анализируется в E. Rigotti – A. Rocci – S. Greco, *The Semantics of Reasonableness*, in *Considering Pragma-Dialectics*, P. Houtlosser – A. van Rees

является сомнительным.

Сомнение со стороны слушающего играет важную роль в сложном процессе толкования аргументативного дискурса, когда нужно установить, выступает ли какое-то высказывание в роле тезиса²⁴. По принципу “ожидания сомнения”²⁵ тот, кто выдвигает тезис, ожидает сомнения со стороны собеседника, то есть исходит из предположения, что собеседник не принимает правдивость содержания тезиса. Аргументируя, он обязывается убедить собеседника в основательности выдвинутого тезиса, предлагая это содержание как что-то, что возможно достичь при помощи инференции. Инференциальная динамика, которая приводит к признанию разумности тезиса, влечёт за собой сложные процессы реконструкции имплицитных посылок, абдуктивная природа которых будет обсуждена ниже.

Рассмотрим как понятие коннектива может помочь обнаружить внутреннюю организацию одного из типичных аргументативных речевых актов, а именно речевого акта заключения.

Возьмём следующий пример в русском языке и сопоставим его с соответствующими высказываниями в итальянском и английском языках:

(2) (B₁) Я не вижу машину Ивана на стоянке. (B₀) *Вероятно*, он уже уехал из университета

(B₁) Non vedo l'auto di Giovanni nel parcheggio. (B₀) *Deve* essere andato a casa

(B₁) I can't see John's car in the parking lot. (B₀) He *must* have already left²⁶.

Нетрудно заметить, что в данном примере высказывание (B₁) *Я не вижу машину Ивана на стоянке*, которое предшествует в контексте, служит посылкой, а высказывание (B₀) *Вероятно, он уже уехал из университета* – это заключение, которое следует за ней. Менее непосредственным является, напротив, как (B₀) следует из посылки (B₁). Для достижения этого заключения выраженная посылка очевидно недостаточна, и необходимо инференциально реконструировать вторую имплицитную посылку: *Обычно, если машины Ивана нет на стоянке, он уже выехал из университета*, которая утверждает одновременность двух упомянутых фактов²⁷.

ed., Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates, New Jersey/London 2006, cc. 254-257.

²⁴ Выявление тезисов и усилия, с которыми они выдвинуты, рассматривается в Прагма-диалектике как первый шаг в сложном процессе реконструкции аргументации. См., в частности, P. Houtlosser, *Indicators of a Point of View*, с. 169; F. H. van Eemeren – P. Houtlosser – A. F. Snoeck Henkemans, *Identifying Indicators of Argumentative Moves*, in *Proceedings of the LADA Workshop. Word Meaning in Argumentation. Homage to Sorin Stati*, G. Gobber – S. Cantarini – S. Cigada – M. C. Gatti – S. Gilardoni ed., “L'Analisi Linguistica e Letteraria”, XVI, 2008, 1, Special Issue, cc. 15-36.

²⁵ См. P. Houtlosser, *Indicators of a Point of View*.

²⁶ Пример, взятый из E. Rigotti, *Congruity Theory*, с. 80.

²⁷ То, что регулярно происходит одновременно с чем-то другим, определяется Аристотелем знаком (*Analytica Priora* 70a 7-9) одновременно происходящего факта, который выступает в роле обозначаемого (*denotatum*). Для анализа аргументативной схемы одновременности см. E. Rigotti, *Congruity Theory*, cc. 84-86.

Выраженная посылка (B_{-1}) и заключение (B_0) представляют собой два элементарных речевых акта утвердительного рода, которые формируют единый макроакт заключения.

В данном аргументативном макроакте заключения стратегическую роль играет присутствие показателя аргументативности²⁸ *вероятно*, который вводит заключение (B_0) в роль тезиса. Итальянский и английский языки прибегают в этом случае, для выражения показателя аргументативности, к эпистемическим модальным глаголам *must* и *dovere*²⁹.

Модальная частица *вероятно* и соответствующие модальные глаголы в итальянском и английском языках проявляют аргументативный предикат-коннектив заключения, структура которого может быть изображена следующим образом:

Аргументативный коннектив заключения = Посредством B_0 гов. показывает сл. приемость содержания q в B_0 , так как умозаключается от уже принятых посылок p и X_{cg} .

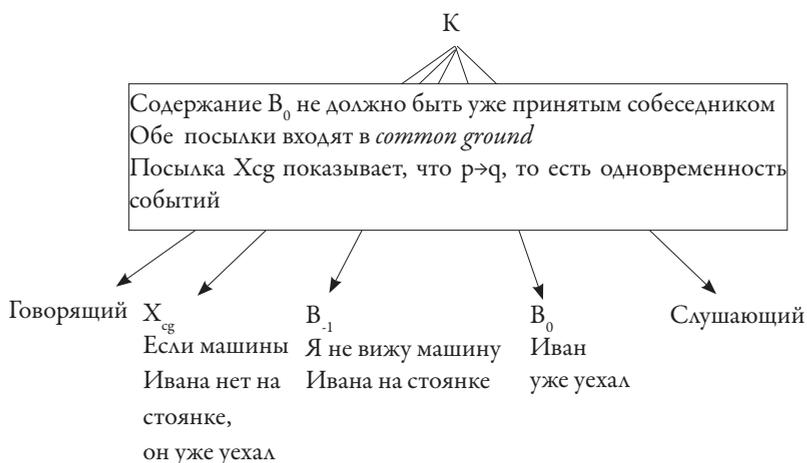

Схема 2 – Структура аргументативного коннектива заключения

Пронаблюдаем прежде всего за аргументальным фреймом этого коннектива и потом за условиями пресуппозиционального рода, которые он устанавливает для своих аргументальных мест.

²⁸ Об аргументативных показателях см. F. H. van Eemeren – P. Houtlosser – A. F. Snoeck Henkemans, *Argumentative Indicators in Discourse. A Pragma-dialectical Study* и P. Houtlosser, *Indicators of a Point of View*, там же.

²⁹ Эпистемические употребления модальности и их вклад к реконструкции аргументативного дискурса подробно обсуждаются в A. Rocci, *Modality and its Conversational Backgrounds in the Reconstruction of Argumentation*, “Argumentation”, XXII, 2008, сс. 165-189. Автор подвергает здесь критической оценке анализ аргументативной роли модальных глаголов, предложенный Туллиным; см. S. E. Toulmin, *The Uses of Argument*, Cambridge University Press, Cambridge 2003, особенно первую главу.

Кроме говорящего и слушающего, коннектив ^{заключения} должен иметь в своём аргументальном фрейме не менее, чем три аргументальных места, содержащих заключение (B_0), выраженную посылку ($B_{.1}$) и имплицитную посылку (X_{cg}).

Высказывание на аргументальном месте (B_0) получает от коннектива ^{заключения} прагматическую функцию показать слушающему приемлемость содержания тезиса (q), как умозаключаемого от посылок p и X_{cg} . Именно в этом состоит и прагматический эффект, и содержание данного предиката-коннектива.

Как показывает информация в прямоугольнике на стрелках, исходящих от коннектива, коннектив ^{заключения} устанавливает определённые пресуппозиции, которые должны быть удовлетворены его аргументами: вывод не должен быть уже принятым со стороны слушающего по выше упомянутому принципу “ожидания сомнения”; и выраженная, и имплицитная посылки должны принадлежать к набору фоновых знаний и пресуппозиций, разделяемых участниками коммуникативной интеракции (*common ground*); для того, чтобы обеспечить разумность перехода от посылок к заключению, коннектив требует, чтобы содержания выраженной посылки (p) и заключения (q) были связанными в имплицитной послылке X_{cg} по правильной инференциальной схеме $p \rightarrow q$, показывающей одновременность двух обозначаемых фактов.

Коннектив заключения из-за своей особенной инференциальной динамики представляет собой, как было отмечено выше, инференциальный предикат абдуктивного рода.

Абдукция – это форма рассуждения от консеквента к антецеденту, которая позволяет строить объяснительные гипотезы, исходя из определённых наблюдаемых фактов³⁰.

Исходя, например, из факта отсутствия машины Ивана на стоянке, говорящий путём абдуктивного рассуждения строит правдоподобную гипотезу *Если машины Ивана нет на стоянке, вероятно он уже выехал из университета*, которая могла бы объяснить это отсутствие.

С помощью выраженной посылки *Я не вижу машину Ивана на стоянке* говорящий знакомит слушающего с очевидностью, которой он располагает на момент речи и от которой берёт начало цепь инференций, которая приводит его к формулированию его гипотезы. Следовательно, модальная частица *вероятно*, кроме эпистемического расположения говорящего к сказанному, подсказывает, что источник

³⁰ Чарлс Пирс описывает динамику абдукции, этого “reasoning backwards from consequent to antecedent” таким образом: “The surprising fact C is observed, but if A were true, C would be a matter of course. Hence there is reason to suspect that A is true”. Ch. S. Peirce, *The Collected Papers*, 1, 74; 5.188-5.189. Аньес ван Реес, один из членов Прага-диалектической Школы, пишет в этой связи: “В индуктивном рассуждении, которое также носит название абдукции, носители языка исходя из ряда суждений, утверждений или чувственных наблюдений и затем строят гипотезу, которая, выходя за пределы первоначальной информации, позволяет лучше описать информацию, содержащуюся в послылах относительно основных фоновых знаний”. А. ван Реес, *Интерпретация и реконструкция аргументации*, в *Важнейшие концепции теории аргументации...*, там же, с. 213. О связи абдукции с эпистемической модальностью см. J.-P. Desclés – Z. Guentchéva, *La notion d'abduction et le verbe devoir 'épistémique'*, in *Les verbes modaux*, P. Dendale – J. van der Auwera ed., “Cahiers Chronos”, Amsterdam, Rodopi 2001, cc. 103-122.

знания, из которого говорящий извлекает пропозициональное содержание тезиса, является инференциальным; в этом смысле она охарактеризована эвиденциальным компонентом и выступает в роле лингвистического маркера инференциальной эвиденциальности³¹.

Лингвистические показатели эпистемической модальности, как модальная частица *вероятно* и соответствующие модальные глаголы *dovere* и *must* в итальянском и английском языках, выполняют важную роль в обнаружении речевых актов аргументативного рода.

В процессе реконструкции аргументативного дискурса особое внимание нужно обратить на коннектор *потому что*, который часто употребляется неаргументативным образом, как, например, в высказываниях (3)-(4):

(3) Она упала (B_{-1}), *потому что* Иван толкнул её (B_0)

(4) Он заболел (B_{-1}), *потому что* он очень много курит (B_0).

Здесь коннектор *потому что* выражает коннектив объяснения, который является неаргументативным. Употребляя коннектив объяснения, говорящий исходит из предположения, что слушающий принимает фактичность³² изложенного положения вещей (*Она упала, Он заболел*) и с помощью высказывания, введённого каузальным коннектором (*потому что Иван толкнул её; потому что он очень много курит*) он намеревается дать лучше понять, что именно привело к существованию факта, о котором идёт речь.

В примерах (6)-(7):

(6) Она его любит (B_{-1}), *потому что* она написала ему на компьютере дипломную работу (B_0)

(7) Он заболел (B_{-1}), *потому что* я его не вижу уже некоторое время (B_0)

тот же самый коннектор выступает в иной роли, проявляя в этом случае аргументативный коннектив оправдания. В этих аргументативных употреблении говорящий предполагает, что собеседник не принимает фактичность положения вещей, содержащегося в (B_{-1}), для оправдания которого выдвигает в качестве аргументов факты, изложенные в (B_0). Для того, чтобы прийти к разумному принятию содержания тезиса (*Она его любит, Он заболел*), самого содержания тезиса недостаточно, необходима реконструкция посредством инференциального процесса абдуктивно-

³¹ Эвиденциальными являются лингвистические единицы, которые показывают источник знания на основе пропозиционального содержания некоторого высказывания. Источник знания в распоряжении говорящего может быть разного рода: инференциального, опытного, свидетельского или цитативного. О лингвистической категории эвиденциальности см. A. Y. Aikhenvald – R. M. W. Dixon, *Studies in Evidentiality*, John Benjamins, Amsterdam 2003; V. Plungjan, *The Place of Evidentiality within the Universal Grammatical Space*, "Journal of Pragmatics", XXXIII, 2001, cc. 349-357.

³² См. P. Houtlosser, *Indicators of a Point of View*, c. 80.

го рода имплицитных посылок “Тот, кто любит, помогает”, в первом случае и “Тот, кто болен, обычно остаётся дома”, во втором.

3. Заключительные замечания

Выделение особенностей аргументативных коннективов и их отличие от коннективов неаргументативных может открыть значительные перспективы русистике, например, в области семасиологического исследования дискурсивных частиц русского языка³³.

Возьмём в качестве примера одну из наиболее проанализированных частиц русского языка, *ведь*, прототипические употребления³⁴ которой являются аргументативными.

Описание коннектива объяснения, предложенное в предыдущем параграфе, и выделение его неаргументативной природы может помочь в определении аргументативных употреблений данной частицы, которые нередко отождествляются с объяснительной функцией³⁵.

Если мы рассмотрим следующие высказывания:

- (8) (В₋₁) Камчадалы не знали хлеба. (В₀) *Ведь* в условиях вечной мерзлоты зерновые не вызревают
- (9) (В₋₁) Пора ложиться. (В₀) *Ведь* тебе завтра рано вставать
- (10) (В₋₁) Возьми шапку – (В₀) замерзнешь *ведь*!
- (11) (В₋₁) Что ты лежишь! (В₀) *Ведь* Петя приехал³⁶

нетрудно увидеть, что частица *ведь* здесь не исполняет объяснительную функцию, а скорее служит показателем аргументативного коннектива оправдания.

В высказываниях (В₋₁) в роли тезиса, кроме речевого акта утвердительного типа, как в (8), выступают речевые акты просьбы и упрёка, как в (9)-(10) и в (11),

³³ См. L. Gebert, *Problèmes de la distribution de l'information dans le discours: les conjonctions russes*, in *III Colloque de la linguistique russe*. Aix en Provence, 15-17 mai 1981, Institut d'Etudes Slaves, Paris 1983, cc. 297-306.

³⁴ Прототипическими называются употребления частицы *ведь*, в которых она вводит обоснование для принятия некоторого тезиса. См. К. Бонно – С. В. Кодсазов, *Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере же и ведь)*, в К. Киселева – Д. Пайар, *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*, Метатекст, Москва 1998, с. 435.

³⁵ Аргументативному *ведь* Бонно и Кодсазов приписывают аргументативно-объяснительную функцию когнитивного или поведенческого типа; см. К. Бонно – С. В. Кодсазов, *Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере же и ведь)*, cc. 430-440.

³⁶ Данные примеры взяты из К. Бонно – С. В. Кодсазов, *Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере же и ведь)*, cc. 429, 430.

посредством которых в конечном итоге утверждается или отрицается целесообразность положение вещей, о которых идёт речь. Во всех четырёх случаях содержание тезиса в (B_{-1}) не принимается слушающим, по принципу “ожидания сомнения”, и высказывание (B_0) получает от аргументативного коннектива оправдания функцию разумно обосновать принятие тезиса, изложенного в (B_{-1}) .

Взаимодействуя с фоновыми знаниями, разделяемыми обоими собеседниками, частица *ведь* указывает на то, что положение вещей, вводимое как обоснование для тезиса, представляет собой что-то знакомое, принадлежащее к набору знаний, разделяемых и говорящим, и слушающим (*common ground*). Слушающий мог бы не вспомнить, и говорящий напоминает ему об этом.

У частицы *ведь* в примерах (8)-(11) в роли показателя коннектива оправдания выступает следующий прагматический эффект: посредством (B_0) говорящий показывает слушающему приемлемость содержания q в (B_{-1}) , предлагая как обоснование что-то, что принадлежит к *common ground*, разделяемому собеседниками.

Для своих аргументов данный коннектив устанавливает следующие пресуппозиции: содержание тезиса в (B_{-1}) не должно быть уже принятым слушающим; содержание (B_0) , оправдывающее тезис, должно уже принадлежать к *common ground*, разделяемому говорящим и слушающим; слушающий мог бы не вспомнить о том, что принадлежит к *common ground*, и говорящий напоминает ему об этом.

Как вытекает из только что изложенных кратких замечаний об аргументативных употреблениях русской частицы *ведь*, понятие коннектива, предложенное в рамках Теории Конгруэнтности, позволяя обнаружить внутреннюю структуру речевых актов аргументативного типа, может предоставить в распоряжение русистики действенное средство для анализа лингвистических показателей аргументативности, которое несомненно может стать первым значительным шагом в описании связности аргументативного дискурса в русском языке.